

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.33>

КОНЦЕПТОЛОГИЯ МИРОПОРЯДКА В ПОВЕСТИ НАРИНЭ АБГАРЯН «СЧАСТЬЕ МУРЫ»

Научная статья

Безруков А.Н.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-7505-3711;¹ Уфимский университет науки и технологий, Бирск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (in_text[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу малоисследованной повести Н. Абгарян с позиций концептологии. Текст «Счастья Муры» не так велик по объему, однако концепция миропорядка, выстраиваемая героиней – маленькой девочкой – есть подтверждение строгой логики бытия. Тематически данная повесть ориентирована на преодоление трудностей взросления человека, знакомство с пока еще не понятной, но живой жизнью. Таким образом, целью статьи является комплексный рецептивный анализ повести «Счастье Муры». Думается, что литературоведческий разбор повести возможен с позиций выявления в тексте основных концептов, организующих модель устройства мира. На наш взгляд, это человек, дом, семья, мир, Вселенная. Наринэ Абгарян традиционна в выборе принципов выстраивания художественного пространства, автор пытается быть предельно точным, ибо текст повести ориентирован не только на взрослого, но и юного читателя. «Счастье Муры» вбирает ряд компонентов литературы предыдущих эпох: не прямые цитации А. Пушкина, А. Чехова, Л. Толстого, К. Чуковского, М. Зощенко, С. Михалкова, А. Барто, Э. Успенского и других писателей-классиков поддерживают концептуальный уровень повести. Диалог, необходимый для реализации художественной задачи создается на уровне сюжета, образного ряда, языка. Работа имеет практический характер, может быть использована в русле изучения новейшей русской литературы.

Ключевые слова: Наринэ Абгарян, «Счастье Муры», концепт, рецептивная эстетика.

THE CONCEPTOLOGY OF THE WORLD ORDER IN NARINE ABGARYAN'S STORY "MURA'S HAPPINESS"

Research article

Bezrukov A.N.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-7505-3711;¹ Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russian Federation

* Corresponding author (in_text[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the analysis of N. Abgaryan's understudied story from the position of conceptology. The text of "Mura's Happiness" is not large, but the concept of the world order, built by the heroine – a little girl – is a confirmation of the strict logic of existence. Thematically, this story is aimed at overcoming the difficulties of growing up and getting to know a life that is still unclear but alive. Thus, the aim of the article is a complex receptive analysis of the story "Mura's happiness". We think that the literary analysis of the story is possible from the position of identifying the main concepts, organizing the model of the world order in the text. In our opinion, these are man, home, family, world, universe. Narine Abgaryan is traditional in her choice of principles for constructing the artistic space, the author tries to be very precise, since the text of the story is oriented not only on the adult, but also on the young reader. "Mura's happiness" absorbs a number of components of literature of previous epochs: indirect quotations of A. Pushkin, A. Chekhov, L. Tolstoy, K. Chukovsky, M. Zoshchenko, S. Mikhalkov, A. Barto, E. Uspensky and other classic writers support the conceptual level of the story. The dialogue necessary to achieve the artistic task is created at the level of plot, imagery and language. The work is of practical nature and can be used as part of the study of contemporary Russian literature.

Keywords: Narine Abgaryan, "Mura's Happiness", concept, receptive aesthetics.**Введение**

Проблема взросления человека в русской классической литературе поднята на должную художественную высоту. Практически весь литературный XIX, да и XX век говорил о человеке в вариантах многомерности, в русле некоего метафизического обновления и трансформации. Герои А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова представляют собой типологический вариант характеров, осваивающих жизнь в полном ее объеме. В XX веке маркировка общего бытийного кода осуществляется у М. Горького, И. Бунина, А. Куприна, М. Шолохова, М. Булгакова, Б. Пастернака, А. Солженицына и других писателей-прозаиков. Несколько иначе, на наш взгляд, взросление как проблема представлена в детской литературе, в литературе для подростков. Причем в новейшей русской словесности не так много авторов, которые бы рьяно отстаивали важность этого вопроса. Помимо Э. Успенского, Г. Остера, А. Усачёва, В. Постникова, Ю. Кузнецовой, С. Востокова, А. Вересовой, А. Доброчасовой формат детской литературы поддерживает Наринэ Абгарян. Имя Н. Абгарян уже достаточно прочно вошло в короткие и длинные списки, ее тексты имеют разный жанровый формат, она пишет как серьезную, социально-ориентированную прозу, так и книги для подростков, например, романы о приключениях Манюни, или повесть

«Счастье Муры». На наш взгляд, именно последний текст представляет собой выверенную модель организации мира, построенную на впечатлениях маленькой героини.

Для объективной оценки повести Н. Абгарян «Счастье Муры» в работе использованы такие методы как рецептивный, концептуальный, герменевтический, структурный, компаративный. На наш взгляд, синтез приемов работы с художественным текстом дает возможность детальнее погрузиться в смысловые пределы наличной знаковой системы, точнее верифицировать авторскую точку зрения, расширить так называемый «горизонт смысла» (Х.-Р. Яусс, В. Изер).

Основные результаты

Повесть «Счастье Муры» открывается с диалога главной героини и бабушки: «– Бабуль! «Баранки» от слова «барашки»? Мура смотрит сосредоточенно и требовательно. На круглой щеке, чуть ниже скулы, длинная неглубокая царапина» [1, С. 5]. Фактическим пределом мироустройства является язык, вербальная составляющая. Осмыслить и понять окружающее пространство в литературе для детей и подростков авторы стараются эмпирически, экспериментально, визуально, тактильно. Далее же необходима звуковая кодификация, объективный срез данных, который становится универсумом. И русская, и зарубежная литература использовала эту модель действительно, расширенно: стоит вспомнить тексты А. Пушкина, А. Чехова, Л. Толстого, К. Чуковского, М. Зощенко, С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто, Э. Успенского, Х.-К. Андерсена, М. Твена, Л. Кэрролла, А. Лингдгрена, Дж. Родари, А. Милна, Р. Кипплинга, Дж. Роулинг. Безусловно, что сюжетная канва текстов разнится, временные и пространственные пределы также отличны, но общий концептуальный [2] уровень одинаков, так как основной целью героев детской литературы становится признание себя всеведущим, всезнающим, понимающим как устроен мир вокруг, как необходимо реагировать на других людей, что необходимо ценить, сохранять, беречь. Именно такой вариант разверстки и реализуется в повести Наринэ Абгарян «Счастье Муры».

Композиционно текст повести дробится на 16 глав, итоговой является «Глава последняя», которая и замыкает размышления Н. Абгарян о том, в чем же заключается «счастье», «счастье Муры». Номинация частей формирует интригу для более внимательного прочтения того или иного эпизода: например, «Бабушка», «Дедушка и прочее хозяйство», «Пострадавший Николаич», «Кульбит председателя», «Никогда», «Мечты сбываются» и т.д. Для данного текста характерен ступенчатый вариант развития событий – от наиболее дробных и частных к максимально обобщенным, философски сложным. Такие концепты как «ЧЕЛОВЕК», «ДОМ», «СЕМЬЯ», «МИР», «Вселенная», «СЧАСТЬЕ» и образуют контрастный и живой мир Муры. Герой еще настолько мал, но правильно ориентирован, для Муры все соразмерно, все познается в некоей визуализации, не случайно, в финальной главе она рассматривает семейную фотографию, где запечатлены все, кто ей дорог. Повесть, на наш взгляд, обладает ярко выраженным педагогическим началом, нарративный [3] дискурс не сводится только к описанию фактов, созданию фона. Вообще, как отмечает Ю. Степанов, «факты принадлежат одновременно и миру, и языку» [4, С. 7]. Таким образом, для Наринэ Абгарян важно сформировать устойчивый диалог с юным читателем, при этом неформально, но концептуально высказать жизненно правильную точку зрения.

Ценностный ориентир, направленный на концепт «СЕМЬЯ» предметно представлен уже в первой главе: «Когда Муре было три года, её мама и Гришкин папа поженились. И у Муры от этого получилась большая семья – мама, папа, Гришка, бабушка и дедушка» [1, С. 10]. Непринужденно-наивный тон рассказа, перечисление событий и становятся фактором раскрепощения, раскрытия символических [5] деталей. Проникнуть в мир тайн позволяет и нарочитый манифест уже буквальных коммуникационных «единиц»: «Папу своего Мура не помнит – она была слишком маленькой, когда родители расстались. Папа переехал в другой город и перестал отвечать на звонки и письма» [1, С. 10]. Особый миропорядок выстраивается в юном сознании героини уже в скрепах обязательных для жизни, при этом это не только вещи конкретного характера, но и в рамках абстрактных, отвлеченных явлений. Акт чтения [6] разворачивает полномерно картинку бытийной правды. Например, отчетливо это видим в следующем эпизоде текста: «Мама Тоня про дедушку с бабушкой говорит «нашла коса на камень». А папа Володя называет их «война и мир». Кто из них война, а кто мир, не очень понятно. Но ясно одно – врозь они друг по другу скучают...» [1, С. 12].

Дом для Муры является основной измерительной единицей, ведь «ДОМ» это и порядок, и уклад, и спокойствие, и «МИР», и забота, и своего рода структура. Практически каждый эпизод повести Наринэ Абгарян механистически связан с «ДОМОМ», с концептуальной [7] основой этого понятия. Даже состояние сна в родном доме особенное: «Мура спит как мышка. Свернётся калачиком, подложит под щечку ладонь и моментально проваливается в сон. Бабушка прижимает её к себе, подтыкает одеяло, чтобы спину не надуло. И слушает, как на соседней кровати бьются дед с Гришкой» [1, С. 18]. Вариант конструктивной разверстки сюжета схож у Наринэ Абгарян с прозаиками-классиками, изотопия [8] дискурса ориентирован на вмещение многих пластов историко-литературного плана. Не раз читатели встречали подобную игру с неким домашним пространством у А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, К.И. Чуковского, М. Зощенко, С. Михалкова, А. Барто. Для указанных авторов семейно-бытовой фактор также был ценен и важен, ибо роль «ДОМА» неразрывно связана с магистральями мироустройства вообще. Литература XXI века вторит классикам, ориентирует на необходимость сохранять ориентиры, которые организуют оценку мира в рамках этического норматива.

Семейный уклад в повести «Счастье Муры» строго организован: есть так называемый высший сан – это герои старшего поколения, к которым младшие, несомненно, относятся с должным вниманием и пиететом. Есть разряд родителей, чей статус не менее важен и ценен, ибо они являются звеном связующего порядка, без них не мыслится жизнь всех. А также есть и группа подрастающего поколения – это дети! Они внимательны и к первым, и ко вторым, главное – к самим себе: «У Гриши всегда хороший аппетит. Бабушка говорит, что он есть как не в себя. У Муры аппетит не очень. Но на фигуре это никак не отражается. Щёки у неё круглые, и пузо воинственно торчит» [1, С. 21]. Концепт «СЕМЬЯ» буквально не манифестируется в тексте, этого и не должно быть, но он близок таким составляющим, да и собственно словам как «МИР», «Вселенная», «ЖИЗНЬ». Словесная огранка повести сделана

профессионально, точно. Юлия Кристева отмечает, что «статус слова как минимальной единицы текста оказывается не только *медиатором*, связывающим структурную модель с ее культурным (историческим) окружением, но и *регулятором*, управляющим процессом перехода диахронии в синхронию (в литературную структуру)» [9, С. 167]. Наринэ Абгарян должное внимание оказывает компоновке слов в предложениях, а далее в текст, чтобы органика концептов звучала особым образом. А.-Ж. Греймас в свое время отмечал, что «синтаксис, несмотря на весь этот видимый беспорядок, выполняет важнейшую функцию: отправляясь от составных элементов, которыми в данном случае являются семемы, он разрабатывает новую совокупность комбинаций, порождающую сообщения, позволяя тем самым формулировать практически бесконечное количество суждений о мире» [10, С. 169]. Следовательно, органика совмещения лексического состава и синтаксического в повести «Счастье Муры» выдержана, ибо центральное понятие к финалу будет детально представлено в спектре ассоциаций и уловимых фреймов.

Стоит отметить, что семья – явление само по себе имеющее большое значение для человека. Без семьи не мыслит себя и героиня повести Мура, не видит цели в жизни, не понимает ориентиров, именно семья становится основной моделью поведения. А здесь действия, поступки бабушки, дедушки, папы и, конечно же, мамы. Обретая опыт отношений Мура, следует надеяться, будет реализовать этот вариант и в своей уже взрослой жизни: «Вася притаился за дверь и делал вид, что ему совершенно безразличен разговор взрослых. А чтобы никто не сомневался в его безразличии, он разрисовал дверь цветными мелками. Сколько хватило роста. Мура пригляделась. Вася нарисовал вражеский самолёт. Самолёт летел по небу и отплёвывался тяжёлыми чёрными бомбами» [1, С. 36]. Контакт взрослых и детей сверх очевиден в этом эпизоде. По ходу наррации Мура делает важные шаги на пути взросления, она помогает Васе стереть рисунок с двери, чтобы конфликт был разрешен менее эмоционально, и не запомнился как что-то абсолютно плохое. Можно констатировать, что Мура с каждой новой главой, с каждым жизненным испытанием становится все мудрее, так как выбирает наиболее уместные слова в разговоре, принимает правильные решения, сравнивает, сопоставляет.

Обсуждение

Концептология миропорядка в повести «Счастье Муры» объективно верифицирована в последней главе, хотя о счастье разговоры ведутся на протяжении всего текста. Визуальный эффект все же важен для героини, предположим, что для читателя, видимо, тоже. Фото-факт это признание достоверности, это неискаженный формат отображения реалий; фиксируя важные моменты жизни, происходит их некая оценка для себя, так как выбор того или иного кадра вполне оправдан. Символическая природа литературного текста никогда не может быть распознана и изучена полностью, остается всегда некая загадка, которая и заставляет читателей вновь и вновь перечитывать, перелистывать текст, ассоциативно выстраивать цепочки новых значений. На наш взгляд, этого заслуживает и повесть «Счастье Муры». Рассматривая фотографию в финале Мура конечно же не может не комментировать пиктограмму, она для нее живой материал: «Мура может долго разглядывать фотографию. Иногда она разговаривает с ней, рассказывает последние новости» [1, С. 108]. Сводя события в единый формат знаний Наринэ Абгарян, на наш взгляд, дает возможность Муре самой сделать вывод о том, что такое «счастье», что для Муры это состояние. Героиня вновь несколько наивно, по-детски размышляет: «Счастье – это когда у тебя много мороженого. Сколько захочешь. И конфет грузовик. И мешок – нет, три мешка малиновых мармеладок. И платье длинное, пышное, как у принцессы. И кукол много – целых десять штук. И чтобы жвачек миллион – обязательно разных...» [1, С. 109]. Однако, это формальности, это не то, о чем фактически мечтает Мура, счастье для нее заключается принципиально в другом! «Счастье – это когда у тебя есть люди, которым можно о нём рассказать» [1, С. 109]. Насколько точно и верно героиня повести расставила приоритеты в конце текста, позволила потенциальному реципиенту совместить свою жизненную позицию с художественной версией.

Заключение

Таким образом, концепты, которые являются обязательными для жизни человека, безусловно, отображены у Наринэ Абгарян. Автору удалось, на наш взгляд, показать несомненное значение таких категорий как «семья», «дом», «мир», «счастье». Представленный ряд культурологически оправдан, в этом нет сомнений. Думается, что читатель, познакомившись с повестью «Счастье Муры», сделает правильный вывод, сформирует, или дополнит для себя спектр метафизических онтологических ориентиров, позволяющих полноценно видеть жизнь такой какая она есть нас самом деле.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Абгарян Н. Счастье Муры / Н. Абгарян. — М.: Издательство АСТ, 2020. — 112 с.
2. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 248 с.

3. Силантьев И.В. Мотив в системе категорий нарратива / И.В. Силантьев // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып.4: Интерпретация текста: Сюжет и мотив; под ред. Е.К. Ромодановской — Вып. 4. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — с. 13-35.
4. Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — 204 с.
5. Трессидер Д. Словарь символов / Д. Трессидер. — М.: Гранд: Фаир-Пресс, 2001. — 444 с.
6. Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response / W. Iser. — Baltimore: Johns Hopkins UP, 1980. — 224 p.
7. Culler J. Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics and the Study of Literature / J. Culler. — London: Routledge, 2002. — 368 p.
8. Безруков А.Н. Факторы семантической изотопии литературно-художественного дискурса / А.Н. Безруков // Нижневартовский филологический вестник. — 2018. — № 2. — С. 81-86.
9. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова / Ю. Кристева. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 656 с.
10. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Перевод с франц. Л. Зиминной / А.-Ж. Греймас. — Академический Проект, 2004. — 368 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abgaryan N. Schaste Muri [Mura's Happiness] / N. Abgaryan. — М.: AST Publishing House, 2020. — 112 p. [in Russian]
2. Stepanov Yu.S. Kontsepti. Tonkaya plenka tsivilizatsii [Concepts. The Thin Cloth of Civilization] / Yu.S. Stepanov. — М.: Languages of Slavic Culture, 2007. — 248 p. [in Russian]
3. Silantev I.V. Motiv v sisteme kategorii narrativa [Motive in the System of Narrative Categories] / I.V. Silantev // Materialy k Slovaryu syuzhetov i motivov russkoj literatury. Vyp.4: Interpretaciya teksta: Syuzhet i motiv [Materials for the Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature. Issue 4: Interpretation of the text: Plot and Motive]; edited by Ye.K. Romodanovskaya — Issue 4. — Novosibirsk: The Siberian Chronograph, 2001. — p. 13-35. [in Russian]
4. Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty [Logical Analysis of Language. Cultural Concepts]. — М.: Nauka, 1991. — 204 p. [in Russian]
5. Tressider D. Slovar' simvolov [Glossary of Symbols] / D. Tressider — М.: Grand: Fair-Press, 2001. — 444 p. [in Russian]
6. Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response / W. Iser. — Baltimore: Johns Hopkins UP, 1980. — 224 p.
7. Culler J. Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics and the Study of Literature / J. Culler. — London: Routledge, 2002. — 368 p.
8. Bezrukov A.N. Faktory semanticheskoy izotopii literaturno-hudozhestvennogo diskursa [Factors Semantic Isotopy of Literary Discourse] / A.N. Bezrukov // Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik [Nizhnevartovsk Philological Bulletin]. — 2018. — № 2. — P. 81-86. [in Russian]
9. Kristeva YU. Izbrannyye trudy: Razrushenie poetiki [Selected works: The Destruction of Poetics] / transl. from Fre. by G.K. Kosikov, B.P. Narumov / YU. Kristeva. — М.: Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN), 2004. — 656 p. [in Russian]
10. Grejmas A.-ZH. Strukturnaya semantika: Poisk metoda [Structural Semantics: Method Search] / translated from Fre. by L. Zimina / A.-ZH. Grejmas. — Academic project, 2004. — 368 p. [in Russian]